

ПЕТЕРБУРГСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ
18–20 июня 2015

**КАК СДЕЛАТЬ РОССИЙСКУЮ ЮРИСДИКЦИЮ БОЛЕЕ КОМФОРТНОЙ
ДЛЯ БИЗНЕСА?**

Панельная сессия

18 июня 2015 — 17:00–18:15, PepsiCo Café

Санкт-Петербург, Россия
2015

Модератор:

Александр Коновалов, Министр юстиции Российской Федерации

Выступающие:

Дмитрий Афанасьев, Соучредитель, председатель комитета партнеров, Адвокатское бюро «Егоров, Пугинский, Афанасьев и партнеры»

Майкл Блэр, Управляющий партнер, Debevoise & Plimpton LLP

Дэвид Крейг, Президент по финансам и управлению рисками, Thomson Reuters

Николай Кропачев, Ректор, Санкт-Петербургский государственный университет

Жан-Пьер Тома, Президент, Thomas Vendome Investment

Александр Трехсель, Профессор политических наук, Руководитель кафедры политических и социальных наук, European University Institute

Дмитрий Шумков, Председатель совета, Центр правовых инициатив

Участники дискуссии в первом ряду:

Болатбек Абдрасилов, Ректор, Академия государственного управления при Президенте Республики Казахстан

Алексей Евгеньев, Управляющий директор, глава московского офиса, Alvarez & Marsal

А. Коновалов:

Добрый день, уважаемые коллеги!

Предлагаю начать нашу работу. Сегодня у нас довольно жесткий тайминг: всего лишь один час 15 минут и довольно большое количество выступающих. Не сомневаюсь, что аудитория готова сброситься по тысяче евро, чтобы продлить аренду этого помещения, тем не менее предлагаю всем постараться уложиться в отведенное время и выступать очень емко и сжато. Уважаемым спикерам отводится около восьми минут на выступление, а участникам так называемой официальной дискуссии из первого ряда — пять минут. Мы попытаемся успеть не только дать слово всем из списка выступающих, но и оставить какое-то время на так называемую свободную дискуссию. Я пользуюсь терминологией, принятой при защите диссертации на соискание ученой степени в России: это не означает, что остальные дискуссии будут несвободными.

В начале дискуссии скажу несколько слов только для того, чтобы наши уважаемые иностранные гости успели протестировать перевод.

Озвучу тезис, который может показаться самым тривиальным: сотрудничество бизнеса и юриспруденции, юристов, является исключительно важной задачей. Как ни странно, этот тезис если и не отвергается временами, то, по крайней мере, может существенно по-разному трактоваться участниками процесса.

Скажу два слова о том, что для диалога, для сотрудничества в России сегодня существуют очень неплохие возможности. Я имею в виду три события, которые проходят в Санкт-Петербурге с интервалом в одну-две недели: Экономический форум, на котором мы сейчас присутствуем, предшествующий ему Международный банковский конгресс и Петербургский международный юридический форум, который в пятый раз прошел три недели назад. Я хочу пригласить вас к сотрудничеству на этой площадке: на этом форуме представлен многоаспектный взгляд на

сотрудничество бизнеса и права. Наши усилия сосредоточены на том, чтобы дать возможность для такого диалога. Каждый год на форуме организуется от 50 до 60 специализированных круглых столов, где в основном инхаус-юристы имеют возможность выслушать мнение регулятора, задать ему вопросы, обсудить конкретные аспекты правоприменения. Эту нишу мы освоили довольно неплохо, она важна и перспективна. Нам кажется, что мы можем сделать серьезный шаг вперед и найти новые концептуальные подходы к взаимодействию бизнеса и права. Этот многоаспектный подход мне кажется исключительно важным.

Что греха таить, бизнес-юристы, которые сопровождают и обслуживают интересы крупного бизнеса, сориентированы на достижение конкретного результата, на прохождение кратчайшим путем расстояния из точки А в точку Б. Часто может казаться, что в этом процессе роль юристов, роль права оказывается несколько периферийной. Да, если собрать воедино бизнес-юристов и дать им возможность внести конкретные предложения, они в считанные дни могут сгенерировать такие новеллы и инициативы, которые обеспечат интересы той или иной сферы бизнеса, но не факт, что эти идеи окажутся вырванными из контекста.

Не секрет, что в Российской Федерации британское коммерческое право является популярным, известным. Далеко не все, кто ратовал и продолжает ратовать за максимальное применение его институтов и инструментов, досконально знают о балансах и противовесах системы common law. По крайней мере, не все думают о том, что важно обеспечить целостный подход для развития бизнеса, чтобы впоследствии не произошел перекосяк в правовом регулировании, в обеспечении сбалансированных интересов разных отраслей бизнеса и других отраслей государственной и социальной сфер, верности основополагающим принципам права и соблюдении разных важных параметров в правоприменении.

Каким же должно быть сотрудничество бизнеса и права? Каким образом нужно обеспечить привлекательность той или иной юрисдикции, в том числе российской юрисдикции, что для этого нужно сделать? Нужно ли избрать общую, универсальную правовую систему, которая будет применяться везде, как британское коммерческое право? Например, практиковать только британские коммерческие арбитражи, которые (коллеги из Британии этого не скрывают) могут открываться по всему земному шару в разных вариациях. Они говорят, что, в зависимости от уровня инвестиций в арбитраж, могут быть решены те или иные задачи. Это напоминает известное выражение Эдисона: «У меня есть три лекции: за 200, за 100 и за 60 долларов, — но последнюю я вам не рекомендую».

Каким, должен быть ответ на этот вопрос? Должно ли право быть сугубо инструментальным, решающим вопросы и проблемы конкретной сферы бизнес-регулирования, либо оно должно ориентироваться на целостное восприятие и на систему балансов?

Здесь сегодня присутствует ряд выдающихся спикеров, которые готовы поделиться своими соображениями на этот счет. Я хочу предоставить слово господину Афанасьеву, соучредителю и председателю комитета партнеров Адвокатского бюро «Егоров, Пугинский, Афанасьев и партнеры». Пожалуйста, Дмитрий.

Д. Афанасьев:

Большое спасибо, Александр Владимирович!

Поскольку у нас в зале много иностранных инвесторов, я, с вашего позволения, перейду на английский.

In March 2015, Vladimir Putin said at a gathering of businesspeople, “We shall respond to external pressures by increasing economic freedom for business in Russia.” I believe that in the current environment, economic freedom for business in Russia is not only good for business, it actually should be a matter of national

security for Russia, because in an environment of external sanctions, only more economic freedom could provide the kind of economic development and push forward that Russia needs to sustain itself for the future. Several years ago, our law firm conducted an informal survey of about 300 clients. We asked them which law they typically apply when they do major transactions. About 90% of them came back and said they use English law. We asked them why. Sixty-seven percent said that they prefer Western courts to resolve business disputes arising out of the contracts that they execute. Sixty-four percent said that they would love to use Russian law, but they cannot, because the civil code does not give them sufficient flexibility. Only 14% said that they use foreign law and foreign structures for offshore tax planning purposes. In 2012, as a board member of a Russian trade association called Business Russia, I had the privilege and opportunity to share these statistics with Vladimir Putin, who at that time was the Prime Minister of Russia. I said to him that as far as I was concerned, it was a matter of national sovereignty, and that something needs to be done to make sure that Russian jurisdiction attracts more business. I said that in my view, it was not right or in fact possible to force people to use Russian jurisdiction or Russian law, and instead the state should do something to make it attractive to do so. He asked, "What is it, do you think, that needs to be done?" and I said two things. I said, first, that I think we should take scissors and cut out the unnecessary imperative provisions from the civil code: the code of Napoleon of 1803, to be sure, which Russia adopted. Second, that while obviously it is going to take some time to reform the state court system, we should really focus on creating a viable alternative dispute resolution system in Russia, and that is arbitration. Otherwise, I said, English judges will continue to decide the direction in which Siberian rivers should be flowing. The reference in this case is being made to the fact that even the most important contracts in Russia, such as for the construction of hydroelectric power dams in Siberia, were in fact governed by English law, with the English courts as the dispute resolution forum, and they

were entered into by state-owned corporations. Putin was actually very helpful, in the sense that he agreed with this, and there came to be sort of a dialogue about what needed to be done about this within society, between the academics, the businesspeople and the practising lawyers, and we have created an association of leading domestic law firms, about 10 or 14 law firms, that are Russian law firms that had a vested interest in improving the attraction of Russian jurisdiction because that is the law we practise. Eventually, a lot of other important people joined the effort, and a leading role was played, in my view, by the Ministry of Justice, which organized extremely constructive discussions between all elements of society, which resulted, in my view, in a tremendous victory for the rule of law in Russia, because on June 1 of this year, three years after 2012, we can say today that we now have a civil code which makes it so that, as my English partner, Robin Wittering, tells me, under Russian law today you can do 90% of what you can do under English law. From a business lawyer's perspective, that is a tremendous achievement, and I must say that we, as business lawyers, are all applauding the government in being able to achieve this wonderful result. The next big piece is going to come around arbitration. The first draft of the law is coming up for hearing in the parliament in the autumn, and it is going to be a tremendous step forward in Russia to create an alternative dispute resolution mechanism. The draft is still a work in progress, there are things that need to be worked out, but there are some amazingly important things that are already in the draft. For instance, I will just mention two. The parties to arbitration will be able to seek injunctive relief and disclosure of evidence in the State Courts in aid of arbitration, which suddenly puts some muscle into alternative dispute resolution. I personally do not agree with the fact that the law will limit the jurisdiction of arbitration, excluding any disputes with the state, and reserving the exclusive powers of the State Courts to resolve disputes with the state. Clearly, it is a bit of a conflict of interest, but that is what is in the current draft. In any case, whatever the law will be in the end, I think Russia needs to focus on creating a

viable sort of Russian equivalent of LCIA – a Russian equivalent of a credible international arbitration centre which is efficient, useful, and independent, and I think Russia will benefit from it greatly. Having said some good things, I must say some bad things as well. I must say that the quality of the judicial process leaves a lot of clients nervous, and this particularly relates to criminal prosecution. I mean, I must mention Article 159 of the Russian Criminal Code, the infamous one on fraud. To make things simple for the non-lawyers in the room, Russian prosecutors often, unfortunately, file criminal charges against businesspeople when they borrow money and they cannot pay it back, even though the law clearly states that you have to have a malicious intent not to ever pay the money back. But the practical reality is that what used to be business risk now becomes a personal risk for the entrepreneurs, thousands of whom are languishing in prison, and sentences for economic crimes in Russia sometimes go up to ten years in prison. This creates a lot of nervousness among business clients in Russia, who feel jammed between external pressures from the Western sanctions, the creeping sanctions on the one hand, and on the other hand, the internal Russian pressures. Last year's laws did not help. And I am referring to three things primarily, and I will be very short and conclude with that. First, there is a law on disclosing foreign citizenships. Now, it seems on the surface that it is a civilized law, but what happens in reality is that for 20 years, the government has been telling Russian businesspeople to integrate with Europe. So, many of them have done that by listing shares on the London Stock Exchange, and by getting the associated visas, residency permits and in some cases citizenships. Now they have to disclose them, and people are nervous that this is just the first step before something else happens, perhaps discrimination. We have seen last year, already, an element of that discrimination, where the government said that if you are a Russian with a foreign citizenship, you will be treated as a foreign investor for the purpose of the foreign investment and strategic industries. A lot of Russian industries are strategic. So that is already, in my view, potentially a

violation of the Russian constitutional law on citizenship, which says that if you are Russian, you are Russian – it does not matter how many other citizenships you have. This causes people a little bit of nervousness. Another example is that as of January 1 of this year, Russians have to disclose their foreign bank accounts on a quarterly basis, translated into Russian and apostilled and notarized. Not only is it a hassle, but given the fact that the tax authority in this country does not have a long history of keeping other people's secrets, people worry about whether they will have some violations of privacy. Finally, we have the Russian law on controlling foreign companies. Again, it is a Western practice. The United States has a similar law on controlling foreign companies. But the implementation was uniquely Russian. For instance, the disclosure forms were published by the government on May 29. The deadline to file those forms is June 16. I mean, large Russian businesses sometimes have several thousand offshore companies: there is just no way businesses can comply with such a requirement which is so onerous within two weeks. Tax amnesty applies for acts committed up to the end of last year. But if your structures which are the subject of disclosure are still in existence, then you are automatically committing a breach in 2015, so it does not make any sense to disclose them under the tax amnesty if they are still in existence, because you will be caught for several months of 2015. Basically, the Russian businesspeople are happy to pay taxes in Russia, particularly the 13% personal income tax rate, which is extremely low by European tax standards. But when the institutions are perceived as not being fully reliable, they are really nervous, and I think Russia needs to recognize right now that nervous businesspeople need to be comforted, because this is what makes money and creates jobs. I have to agree with the Minister that the state is in fact willing to listen to business concerns. An example of success was the civil code reform; an example of what I am sure will be future success is the arbitration law. This is a prime example of how dialogue can lead to practical results. But in my experience, whenever there is a meeting between

businesspeople and the government, it is the government people that come to the meeting better prepared, frankly better qualified, and frankly sometimes a lot more astute about the issues under discussion. So, businesspeople should realize that they have to get professional help – hire lawyers, like us and others! They really have to understand that when they are making a presentation to the government they should not just be wishful thinkers, but give it in the context of the existing laws, and in the context of Russia's international obligations. Give them a project that they will be hard-pressed to refuse, and I think they will say thank you to that. So the bottom line is I think there is definitely a possibility to make yourself heard if you present constructive proposals professionally to the government of Russia today.

A. Коновалов:

Большое спасибо, Дмитрий.

Боюсь, нам придется отвести время для вопросов в конце нашей сессии, иначе есть риск не дать высказаться тем, кто готов это сделать.

Я предоставляю слово следующему выступающему. Майкл Блэр, управляющий партнер компании Debevoise & Plimpton LLP, имеющий огромный опыт в сопровождении крупных сделок по слияниям, приобретениям, в консультировании в разных областях практики права.

Господин Блэр, Вы получили диплом юриста в Чикаго, поэтому я обязан начать с поздравления с выигрышем командой «Чикаго Блэкхокс» Кубка Стэнли. Конечно, сегодня нас интересует не это, а Ваше мнение по обсуждаемой проблеме. Пожалуйста!

M. Blair:

Thank you very much and good afternoon. It is great to be here. Our law firm is an international law firm. It is headquartered in New York, but we do business all over the world; we have offices all over the world. We have been in the Russian

market for more than 25 years, and I think that gives us a good perspective on how foreign investors view Russia compared to other markets, and I will have a few comments on that. I think I will follow the pattern established by my colleague Dimitry, and make a few favourable comments, and then I will suggest a few areas where improvement is important. I think it is important to note that the reforms that Russia has undertaken in recent years have been really significant and position Russia as being more attractive than many other markets in a number of important respects. First, the convertibility of the rouble, the ability to repatriate profits, is very important. Secondly, the quality of the workforce, and I speak both as someone who represents foreign investors and as someone who runs an international law firm. All of our partners in our Moscow office are Russian, nearly all of our lawyers and staff in our Moscow office are Russian, and I believe that every partner in our firm would agree that the quality of the people we have in Moscow is second to none around the world, including New York, London, Hong Kong, you name it. To turn to some more legalistic matters, if you will, I fully concur with what was said about the civil law reform. From a foreign-investor perspective, the ability to enter into shareholder agreements of a kind you are familiar with, the ability to have contracts with representations, warranties, and indemnities that allocate business and legal risks in a manner with which you are familiar – these are extremely important developments. In the area of corporate governance, the new listing rules that require three independent directors and establish international standards for qualification as an independent director are, again, very important, and put Russia ahead of many other countries. And finally, in this vein, I will note the rules regarding registration and transfer of shares and the unitary stock market in Moscow, the unified financial market regulator with a capable staff. All of these are ways in which Moscow is well ahead of much of the rest of the world. Turning, though, to areas where improvement could be very important to foreign investors, I will focus on two. The first has to do with the heavy state ownership of business assets. That

can lead, for a foreign investor, to an impression that it is not a level playing field, particularly with respect to access to state procurement, with respect to the ability to influence regulation, and even with respect to the ability to get a fair result in a legal dispute. The second area I want to mention, and I want to spend a little more time here, is the area of the rule of law, which is really of fundamental importance, and I want to mention three elements. First, the inconsistent enforcement of intellectual property law we have seen in our practice is a very real deterrent to some foreign investors entering the Russian market. Second, the Russian court system, and of course this is not a black and white picture. There have been very important reforms to the Russian court system that have improved the quality of judges, that have reduced corruption, that have improved transparency, to the point where we actually began, a few years ago, to practise litigation in Russian courts. For the first couple of decades we were in the Russian market, we were not comfortable doing that, because we did not have confidence in the reliability of the Russian courts to come to reasonable results on a consistent basis. We are now winning cases, and we are winning them on the basis of the quality of our analysis, the strength of the facts of our case, the persuasiveness of our drafting – because obviously we cannot touch anything remotely approaching corruption, and believe me, we would not win cases if it were not a much improved system and if corruption were a pervasive element. However, before leaving this topic, I do want to mention that there remains a very significant problem with the enforcement of court judgments that also applies to the enforcement of arbitration awards. That is the bailiff system, which is not consistent and efficient in enforcing court judgments and arbitral awards. I think that would be a profitable area for future reform. Despite the improvements in the Russian court system, the simple reality is that most foreign investors are not going to be comfortable with resolving their Russian disputes in the Russian court system any time soon. That day may come, with further reform, but it will not come in the next few years. That is true for several reasons. One, there is a

sense that recognized international arbitrators may be more objective, and secondly, there are a number of areas, such as complicated shareholder agreement disputes or technical issues that arise in new industries, where international arbitrators are going to bring more experience and expertise to bear, again, for at least the foreseeable future, maybe not forever. And so as a result, today and for at least the next few years, investor confidence in the integrity of the international arbitration system for resolving disputes and the ability to enforce the decisions of those arbitral panels is going to be absolutely key. I want to close by just mentioning one important pending threat to that confidence, and it has to do with the pending Yukos matter. It is already the case that one of the concerns foreign investors have is that Russian courts have been more willing than the courts of most other countries to invoke the exception for public order or public policy in deciding not to enforce an international arbitration award. So this is already a matter of some concern. I do not want to express any point of view about what the right outcome is of the Yukos matter, but if, for example, that situation led to legislation that undermined foreign investors' confidence in the effectiveness of international arbitration as a means to settle disputes, that would do, I think, very significant damage to the interest that foreign investors would have in coming into Russia and making an investment. I was very interested to hear the comment of Mr. Kudrin at the large session this morning, when he said that if something like that were to happen, it could, for example, increase the cost of borrowing for Russian companies, if it led to foreign banks deciding not to continue to participate in the Russian market. Thank you.

А. Коновалов:

Большое спасибо.

Следующий спикер также имеет большой опыт в сопровождении крупных сделок, в основном в сфере финансового, банковского права. Его интересы распространяются на широкую область правового регулирования, в том

числе на подготовку юристов, улучшение корпорации юристов. Господин Крейг, президент по финансам и управлению рисками Thomson Reuters. Пожалуйста, Дэвид!

D. Craig:

Thank you, Minister. I am surrounded by some very eminent lawyers, but I am not a lawyer, so I am not going to offer a point of view or perspective on the legal system. I think I am surrounded by people who can do a very good job of that, and we have heard some comments already. But I will give a perspective of a businessperson, and an international perspective. We are one of the world's leading information companies. I run financial services for that business. We have over 50,000 people in over 140 countries. We are very proud of the fact that we have been in Russia for over 150 years, and so some of the challenges that we see now are some of the things that it is very important to have a dialogue around. The title of the panel, too, suggests that there is a problem here that people are trying to solve. But I will give a business perspective that I would like the lawyers maybe to think about, about some dramatic changes that are happening in the business environment, which mean that if the Russian economy is going to succeed and do well, I think the legal environment needs to adapt to them. There are three big challenges I see. First, you do not have to be very smart or very curious to realize that there is a revolution going on in digital at the moment. Businesses across the world are experiencing a digital revolution in the way that information is becoming the new oil of the global economy. We are a company that shifts about 4 billion data points around the world every day. We have tens of terabytes of data in the legal industry, the financial industry, and the tax segment. That movement of data, where it is located, how it is controlled, is really important, not just for us, but actually for our clients, and how that operates. And I think that what you see is that actually a conflict is happening between the physical world, which is where many of our jurisdictions and laws

are based, the physical transfer of IP or goods, versus a virtual world where physical boundaries and borders are harder to maintain. So that is the first revolution that I think is happening. The second one is that we are seeing an explosion in innovation. We are seeing an explosion in entrepreneurship, in start-ups. This is caused by a number of factors. It is caused by a lot more capital being around, a lot more capital that is easier to get hold of. There are some numbers that I heard earlier about how crowdfunding and crowdlending will double this year to an estimated USD 34 billion of capital available, and by 2020 it is estimated that could be USD 100 billion, which is at least twice as much as all VC capital. None of that seems to be in platforms run in Russia, which is very interesting to me – is that a legal issue, or is that a cultural issue or a trust issue? We are seeing an abundance of talent around the world. It chooses where it wants to live; it chooses where it wants to go; it chooses where it wants to pay taxes. And you are seeing technology having a disproportionate effect on enabling businesses to find their clients, to distribute, to start up. It is faster than ever before to start a business in many parts of the world. We counted recently over 20,000 FinTech – financial technology – start-up firms between London, New York, Silicon Valley, Israel, and Africa. Now, I do not think 20,000 might succeed, but they are certainly creating jobs, they are creating entrepreneurship, they are creating revenue growth in many parts of the world. So that is the second big thing that I see. And the third thing I see, then, is an explosion in regulation. I spend probably a third of my time on regulatory matters. We spend a lot of time thinking about where do we put our business, where do we invest; of those 140 countries, where do we see it is easier to do business? But across many areas, money laundering, immigration, data privacy, cyber – in financial services alone, we are currently tracking 40,000 regulatory updates a year. That is 150 each day. So as a businessperson, you have to deal with that, and think where is this coming from, how do I cope, how do I keep hold of it? These are huge issues for the business environment that I do not think can be ignored when

we think about how Russia responds in the context of global companies and entrepreneurship. So, I think, if I reflect on some of the observations I have, I will tell a good news/bad news story, like my colleagues on the panel have done. The good news is invention is very high. The academic schools have a very strong reputation here, in mathematics, engineering, and science. If you look at our benchmarks on invention, Russia consistently scores extremely well. And actually, if you look at the large companies and their adherence to international standards, even on our benchmarks, they are actually pretty good. You hear an incentive to make the tax regime, the investment regime, and many things in the environment a lot easier for business. I think the bad news is that, whilst there is a lot of invention, I do not think there is as much innovation as there could be. There are efforts I have heard of to spur this, but there are not as many SMEs, there are not as many small companies. I wonder whether there is an imbalance or there are competitive pressures that stop that, or is it a confidence and trust issue? Is this a legal issue, or a trust issue and a transparency issue? And without that entrepreneurship, without that stimulation of the economy that is not coming from the state and big business, I think the economy will struggle to grow. I think if you look at economies around the world and where the growth is coming from, it is not the big corporations that are actually driving growth; it is the smaller ones, the SMEs that are growing into larger companies and are innovating and disrupting at a pace that we have certainly never seen before. So my only question to the legal experts on the panel and around the room is: how are we coping with that in an environment that is moving extremely quickly?

А. Коновалов:

Большое спасибо, Дэвид!

Жан-Пьер Тома, который выступит следующим, имеет довольно большой опыт работы с российским бизнесом, потому что он был представителем президента Саркози по экономическому сотрудничеству между Францией и

Россией и представителем французского министерства экономики, ответственным за трансграничные инвестиции и программы приватизации во Франции и России.

Господин Тома, пожалуйста, Вам слово!

J.-P. Thomas:

Yes, first of all, what is the situation? Globally speaking, the common idea in the West especially, is that the climate of direct investment in Russia is very difficult and very bad. We have not only specialists like you, who know things accurately and in detail, but investors from France, Germany, Italy, medium companies, even the biggest ones, and what do they think when they do not really know Russia? They think that the legal environment is not very good. It is dangerous and a little complicated. But, in fact, the situation is not so bad, because before coming here, I was just having a look at the results. In 2013, Russia was the third destination worldwide of direct investment, for the first time in its history. We must not forget that Russia entered the World Trade Organization. To be honest, it was not so easy, because it was not welcomed by everybody, and it was a lot of work on both sides. But we succeeded in doing it. So, if you follow the implementation of such a big event as the entrance to World Trade Organization, all the very important details about the implementation in every field – arbitration, legal environment, everything you said before – everything follows this big event. We must not forget this. But in fact, regarding the investment climate which you were speaking about, in 2014, before this problem of Ukraine and economic sanctions, Russia jumped 20 places in the World Bank's doing business ranking. So, we can say that the background is not so negative, and Russia is a young country, little more than 20 years old. Of course, for a country like France, it is easy to give lessons, but we have many centuries of experience. It was not always so easy on all these issues. That is why we have to help Russia in this field, and I know that you are now having conversations between the Ministers

and French legal companies about arbitration procedures and so on. And when we work on these ideas like the Russian-Europe economic zone – unfortunately forgotten by Europe a few times – we have been speaking and thinking about this, too. How to organize this legal cooperation, how to become compatible? So, of course we have problems. We know. We know about the implementation of the federal law in the different provinces, and I can see, through the different companies that we advise, that this is not so easy on the local level. But it is not always easy in Europe either. If it is a big country like this, with a history, and a short past, with this new corpus of law, it is a difficulty, we know. We know every day as lawyers here. But I think it will improve. Me, I see another problem, which is not only internal to Russia. The problem is that when we think about this cooperation, this organization of the internationally compatible corpus of law, we have to know exactly what we are speaking about. Here is something that is actually much more important for the people here: the Belgian decision about Yukos to freeze all the assets, today, in the middle of this world economic forum. Frankly speaking, is it a legal decision, or is it a political decision? Honestly, with a lot of independence – in France, we like to be independent – we can ask the question. The formulation, the timing, it is more political. Of course, the law and the legal things have to be independent, but the problem is now in global organization, and it is the same with all regulations. See the Swift system, the inter-bank interconnecting system. See the problem of the credit card commuting payment system. The whole corpus of the legal system is unilateral. I understand that we have to harmonize, but we cannot have one country with one legal system imposing its system on the whole world, because we are not in a unilateral world. The world is changing very fast. The actuality of everyday is changing more quickly than we think, because new countries are emerging: Asia is emerging very quickly, and Russia is back, like a big and great country, like it was in the past. Of course, this may annoy somebody here or there, but the point is, that is true. Europe is organizing, not easily, and the United States is coming

back again with the shale gas. So the world is coming to be a multilateral world. But if our legal system is unilateral and if the corpus of legal techniques comes only from one culture, one experience, and one system of economic organization, it cannot work, because today the point is that I work as a businessman, not a lawyer. I am not a lawyer, but I have studied enough law to know that law has to be completely independent. That is very important. I am not sure that that is the case today. We have the case of BNP in France, you have this case of Yukos today – I do not want to interfere with the legal decision, as that is not my point, and I do not know enough of the details to have an opinion. But what I know is that now this is more against the Russian Government than really against Yukos. The timing of this decision, like the economic sanctions yesterday, when Europe decided to say that we continue the economic sanctions yesterday evening, just before the opening of this world economic forum, one of the two biggest economic forums in the world – it is not fair. It is not decent. When we want to give lessons in democracy, human rights, and how to play the game, we have to follow those lessons. This is the point today: that we have to work on a system which is multilateral, integrating different systems and different economies. If not, if a unique system exists, if we want to impose a system, we will have fragmentation, because now the Asian countries will organize a system and Russia will organize its system, too. We have to coordinate. If not, we will destroy everything we built before. I worry about that. The second point is also linked to the law problem: economic sanctions. These economic sanctions are a legal point, in fact. At the end of the day, you respect the law or you do not respect the law. But is this law really accepted by everybody? Can this law really be implemented in the different countries? Is this system completely independent? Or is it a political weapon? It is a political weapon. So today, we can ask some economies – I do not like the terms ‘BRICs’ and ‘emerging countries’, so let us say ‘country in transition’, like Russia, ‘in transition’, pushing its economy and changing things. That is a good word. They have to have their

own systems, completely linked and compatible with international systems. But I do not think that they have to copy and be completely in the international system. It could have been possible if we did not have this system which can be used in political issues. I think today it is very important, because coming back to finish with investors, the people who risk their money on the market, they need stability. Of course they need rules, and the rules have to be respected, of course. We have spoken about this. They need stability and they need serenity. If they think that a political decision made by a G7 or G6 now, or G20, can change everything, you can work all day, all night, on that subject, but you will never achieve the serenity, the stability, and the security that investors need. That is a very important problem. That is the point I wanted to stress for my part.

А. Коновалов:

Большое спасибо, господин Тома. Это важный, концептуальный вопрос. Мы как юристы должны быть свободными от политических презумпций и штампов и оперировать только терминами права.

Во вступительном слове я уже упомянул то, что является на сегодня проблемой, даже если абстрагироваться от бэкграунда и предпосылок. На определенных участках юридической практики создается чрезмерно инструментальное, чрезмерно акцентированное применение правовых инструментов, что неизбежно чревато перекосами в балансе ситуации. Насколько эти перекосы драматичны, показывает время. К сожалению, часто многие возможности оказывается безвозвратно упущенными, диспозиция оказывается довольно непростой, в том числе из-за того, что когда-то какой-то приоритет показался настолько важным, что под него пришлось подстроить правовую систему.

Давайте послушаем, что об этом и о тематике нашего круглого стола думают представители академической науки. У нас есть возможность выслушать выступление господина Трехселя, профессора политологии в

European University Institute, который при этом погружен в практические проблемы. Пожалуйста, Александр!

A. Trechsel:

Thank you very much, Minister, and thank you very much for the invitation. I am very grateful to be able to be here as a clear outlier on this panel, because I am neither a lawyer nor a businessman nor an economist; I am a political scientist, and I represent in this sense, as you rightly said, a small part of academia that is interested in this field. So I would like to start with a caveat for sure. There are two dimensions that we are looking at here: the first I mention, which is the more internal dimension of what the legal framework that is best adapted to attract business and trade, etc. in Russia should be – that is not going to be a dimension that I feel very comfortable talking about. What I know is that Russia is of course fighting traditional problems that are apparent in many, many other countries. I would say in most countries, to create this credibility of which we were speaking before, this credibility for institutions to function, in order to attract business and trade, this means the fight against corruption, censorship, respect for the rule of law, judiciary, and civil litigation systems that work. Of course, these are all elements that are extremely important for Russia, but also for many other countries around the globe. One of the aspects that I found very interesting in this debate is now this emphasis on arbitration. I am a Swiss citizen, although I teach and work in Italy. Switzerland has one of the most attractive systems of international arbitration, with a newly revised code. It is a very small country, but it is an importer of arbitration cases. Most cases that are arbitrated in Switzerland come from abroad, so Russian firms have probably been on the demand side there in Switzerland, too. It has actually become a business for the Swiss state to have such a well-functioning arbitration system. So I think this is a huge path forward for the domestic side here of non-judiciary litigation settlements. On the external dimension, however, I may want to say a couple of words, where I feel a

little bit more comfortable. So, what is hindering investment or what could foster investment and foreign investment into Russia from a political point of view, from an external point of view? Well, first of all, let me mention the sanctions that we have been discussing here. I will go about it very briefly. It has become pretty clear, and the literature says so, that unless sanctions are multilateral, they do not usually work very well. Here we are in the presence of non-multilateral sanctions, and they are not working very well on both sides. They are hindering business, they are hindering cooperation, and they are not really beneficial to the development of trade relationships. Cooperation was one of the major points that the Minister mentioned at the very beginning of this panel, and I would like to emphasize cooperation and dialogue rather than sanctions here. That is more beneficial to all parties, I would say, and a better way forward. The second point has to do with trade liberalization. There are two types of trade liberalization: multilateral and bilateral forms. Of course, on the multilateral side, we have heard only very recently that Russia has become a member of the WTO, the World Trade Organization, and this is, of course, a big step forward. But I think that Russia can still do much more, as most other countries can, too, to liberalize its policies further in several sectors: the service sector, for sure, but also in the field of banks, telecoms, etc. There is also a cap on foreign equities, etc., that is hindering business, controls of the banking sector, etc. So, there is margin for improvement, for liberalization to attract further investments and foreign capital. Also, for example, in relations with the EU within the WTO system, the EU and Russia are litigating quite a lot. There are several cases that are before WTO panels about cost adjustment, anti-dumping, cases in the energy sector, etc., and here, as well, this is not probably the best way forward. It might be, again, much better to go towards cooperation rather than confrontation between these two entities. Now, on the bilateral side of trade liberalization, we used to live in a world where trade liberalization at a bilateral level was basically explained by gravity, where the geographical distance between two entities had a major role to

play, and explained best why trade liberalization comes about. The closer you are, the more you have to do with each other, especially in the goods sector, etc. But we are now entering a post-gravity world where this is not necessarily true anymore. We were talking about digitalization of the economy, about service sectors that are no longer dependent on this physical closeness – of course, it is still the case – but here, in terms of the step from a regional player to a global player in trade agreements, there is a lot of margin, let us say, for Russia to go forward. Actually, if you go onto the WTO website, you can look at active trade agreements between different entities or states and the rest of the world, and it is quite impressive to see. If you click on the EU, you have all these dots around the globe; if you click on Switzerland, my country, you have all these dots around the globe; if you click on the US, if you click on Chile, Brazil, etc., you will see that these countries have established trade relationships with an enormous geographical variance. When you click on Russia, you will see that it is extremely confined to its very clear near neighbours. It visually jumps into your eyes. So the message here is that there is a lot of potential there for Russia to exploit, to go further, and go in this direction. These are the few remarks that I wanted to make.

А. Коновалов:

Спасибо, Александр!

Давайте послушаем, что думают об обсуждаемом вопросе наши российские коллеги. Дмитрий Шумков — председатель совета Центра правовых инициатив, он имеет большой опыт как в практике, так и в теории права и в практических инвестициях. Господин Шумков был представителем одной из первых юридических компаний, которые получили право представлять интересы Правительства Российской Федерации. Пожалуйста, господин Шумков!

Д. Шумков:

Огромное спасибо.

В первую очередь хочу поблагодарить коллег, которые так высоко оценили инвестиционный климат в Российской Федерации. Заметьте, критических замечаний немного, и они были именно во второй части, это уже нюансы.

С одной стороны, я юрист, но я веду бизнес не только в России, но и за рубежом. Могу сказать, что в России сложилась система права не хуже других. С одной стороны, хорошо, что говорят о существующих проблемах, что нас учат. С другой стороны, на Западе не меньше проблем, с которыми мы сталкиваемся, ведя бизнес, чем в России.

Господин министр сказал, что моя структура консультировала по сделкам Правительство Российской Федерации. Это был единичный прецедент: в течение 20 лет известная фирма Cleary Gottlieb Steen and Hamilton LLP обслуживала Министерство финансов, нам удалось преодолеть эту коллизию единственный раз. Проблем нет, зарубежные фирмы всегда обслуживают Министерство финансов Российской Федерации. Я, наверное, не найду таких примеров в других странах: Италии, США, Франции, — где российская, казахская, немецкая фирмы смогли бы обслужить интересы Правительства при прямых контрактах.

В моем понимании, проблемы ведения бизнеса слишком преувеличены, гипертрофированы и политизированы. Этих проблем нет. Мне кажется, мы сложно работаем над проблемами улучшения имиджа за рубежом. На базе ведущих научно-образовательных учреждений сейчас создан центр. Мы приняли решение, что будем открывать центры российского права в крупнейших вузах, как это делают наши зарубежные коллеги.

В любом российском вузе вы увидите центры американского права, немецкого права, сейчас в этом направлении активно работает Китай. Вы по пальцам пересчитаете ведущие западные университеты, где мы можем представлять нашу систему и показывать не только плохие черты, за

которые нас критикуют, но и то, чего мы достигли за 20 лет. Я согласен с нашими коллегами и с Жаном-Пьером: мы продвинулись почти невозможно далеко. Это был широкий шаг.

Скажу следующее: я бы остановился и немного постоял. Для бизнеса сейчас самое главное не принимать закон и что-то улучшать, а на какое-то время — год, два, три — взять паузу и просто осмотреться, оглядеться по сторонам, сделать определенные выводы. Бизнес устал от происходящих изменений, от новаций, нужно чуть-чуть подождать.

В заключение добавлю пару слов. После меня будут выступать казахские коллеги. Они решили фактически передать юрисдикцию под иностранное государство, приглашать зарубежных юристов из Англии, создавать второй суд. По моему мнению, это неприемлемо в нашей стране. Научному, образовательному потенциалу, который есть у юридической системы России, вполне по силам справиться с существующей проблематикой. Мы сможем решить проблемы самостоятельно, без вмешательства извне. Безусловно, мы будем прислушиваться к опыту. Например, мой сын едет в Гарвард на практику, он будет общаться со студентами, это очень хорошо. Это не значит, что кто-то должен нас учить. Хорошо давать советы, мы их выслушаем, но решение всегда будем принимать сами.

Большое спасибо за внимание!

А. Коновалов:

Большое спасибо.

Я рад предоставить почетную возможность подвести черту под выступлениями заявленных спикеров Николаю Кропачеву, ректору Санкт-Петербургского государственного университета. Господин Кропачев известен и как руководитель одной из сильнейших и знаменитых юридических школ в России, кем он был долгое время; думаю, что он и продолжает оставаться им по духу. Мы неподалеку от этой школы, дышим

ее воздухом, находимся почти на ее территории. Господин Кропачев, пожалуйста, Вам слово!

Н. Кропачев:

Спасибо.

Во-первых, позвольте мне добавить к представлению: я судья в отставке, пять лет я был судьей, председателем Уставного суда субъекта Российской Федерации Санкт-Петербурга, и я член наблюдательного совета банка ВТБ. Я могу посмотреть на проблему с разных сторон. Кроме того, все российские участники так или иначе учились у меня. Дмитрий, у Вас в зачетке есть четыре мои пометки. Министр учился у меня в группе, порой называет меня своим учителем. Я скажу, что и он многому научил меня в этой жизни. Димин пример о совместной работе с другим Дмитрием связан не с моей работой, а с участием в этом проекте моей жены, тоже моей ученицы, в прошлом моей студентки. Я похвастался.

Завершая эту часть, добавлю, что есть книга, написанная мной и моим учителем Валерием Мусиным, членом совета директоров ОАО «Газпром». Она выдержала три или четыре издания, называется «Краткий курс российского права для инвесторов», она вот такой толщины. Презентация этой книги прошла во многих странах: в Америке, в Англии и в других, европейских и не европейских.

Я очень внимательно слушал всех: зарубежных и российских коллег и тех, кто критиковал. Дмитрий Афанасьев, на мой взгляд, не хвалил, а критиковал, и очень резко критиковал. Я не увидел конкретных примеров недостатков в законодательстве Российской Федерации и конкретных предложений относительно того, что именно в законодательстве Российской Федерации нужно изменить. Дмитрий, Вы имеете в виду, что нужно отменить требования, связанные с раскрытием доходов или счетов в зарубежных банках? Боже мой, я не знаю: кого это волнует? Настолько

сказывается на жизни российского бизнеса? Да что вы?! Во всех странах мира действует закон о мошенничестве. Представляет ли он опасность? В исправительно-трудовых учреждениях сидят 10 тысяч? Министр лучше меня знает, есть ли у нас вообще такое количество заключенных по делам о хищениях или по мошенничеству, ведь речь шла о мошенничестве. Да где там, нет такого!

А что есть? Вы знаете, в моей жизненной истории есть пункт, которым я очень горжусь. В 1996 году мы начали проект «Открытое правосудие» и стали издавать судебную практику Санкт-Петербурга. Как судьи не хотели этого, как судьи мешали этому! Как приходилось решать вопросы! Мой дипломник, в тот момент первый вице-губернатор Санкт-Петербурга, а ныне глава антимонопольного комитета, пошел на нетрадиционные решения. Начали охранять суды, судьям дали квартиры и сказали: «Будете отдавать судебную практику юридическому факультету, а они будут ее публиковать». Мы стали публиковать эту практику, и в Санкт-Петербурге появились другой суд, другая судебная система.

В 2000 году мне доверили руководить мировым грантом по правосудию, и мы израсходовали, направили все деньги на открытость правосудия. Сколько появилось видеоконференций, сколько появилось судебных решений в 2001—2004 годах! Закон, который требовал и разрешал публикацию судебных решений, появился только потом. Вот что значительно поменяло судебную систему!

А что не поменяло? Извините, любой бизнес разобьется о некультурный — что? Свой бизнес. Любая правовая система, самая совершенная. На мой взгляд, наша система сейчас ничем не отличается от правовой системы любой страны. Я понимаю, не один я назван хорошим юристом, а все, кто здесь присутствуют. Не случайно выступавшие хотели привести примеры, но не привели не одного примера.

О чем говорили? Говорили о непрофессиональной работе. Кого? Судебной системы. О непрофессиональной работе отдельных судей, а я бы сказал — адвокатских фирм, адвокатских юридических фирм, которые привыкли добиваться судебных решений не путем аргументов, как об этом убедительно говорили зарубежные коллеги, а путем административного ресурса.

Что нужно сделать? Нужно усиливать гласность и менять подходы к юридическому образованию. Я порой ругаю себя — не за тех, кого мы выпускаем (это классные юристы), а за то, как они «честно работают»!

Что должно быть? Уверен, что выпускник юридического вуза не должен иметь права работать по специальности без получения разрешения от профессионального юридического сообщества России. Это залог высоких требований к этим людям, это залог дальнейшего требования — не на входе, а последующего требования, вплоть до отзыва права на работу по юридической специальности. Судьи и прокуроры могут потом получиться только из тех, кто получит это право, а не наоборот, не со студенческой скамьи — в прокуроры.

Я могу рассказать о нашем министре, о том, какой он прокурор, как он работал: жаль, что Вы не дадите мне времени. В Санкт-Петербургском университете все вздрогнули, когда Вас назначили министром: честный, справедливый, нравственный человек, который стал министром юстиции.

А. Коновалов:

Я предлагаю на этой пафосной ноте завершить дискуссию.

Н. Кропачев:

Нет, я договорю.

А. Коновалов:

Еще одна минута.

Н. Кропачев:

Коллеги, если вы захотите, я потом расскажу, и вы поймете, что это были не пустые слова!

Коллеги, нужно изменить отношение бизнеса к праву, к правовой системе, которые есть в России. На правовую систему продолжают смотреть не как на инструмент, который нужно использовать с правовыми аргументами, а как на «решалку». Неслучайно юридические фирмы разделяют термины: «юридическая фирма» или «решающая фирма», «решалка». Кто побеждает? «Решальщики»! Кто это? Юристы, которых нужно исключить из нашего правового поля.

Спасибо!

А. Коновалов:

Спасибо, господин ректор! Вы пафосно подвели черту под основной частью нашего обсуждения.

Как мы договаривались, у нас есть по пять минут для участников так называемой официальной дискуссии. Я прошу выступить первым Болатбека Абдрасилова, ректора Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан. Прозвучала версия, что Казахстан уступает часть своей юрисдикции. Насколько я знаю, это не так, тем не менее исключительно интересен проект международного экономического центра, где будет практиковаться британское право, где будут работать иностранные судьи. Если можно, в двух словах расскажите, что Вы думаете по поводу сегодняшней проблематики?

Б. Абдрасилов:

Я хочу поблагодарить за предоставленное слово.

Как и Дэвид, я не юрист. Проблемы, связанные с созданием условий для комфортного бизнеса, волнуют всех, прежде всего тех, кто работает в сфере госслужбы и госуправления. В Казахстане давно ведется работа в этом направлении: создавались условия для развития малого, среднего бизнеса, для привлечения иностранных инвестиций, вносились различные изменения, дополнения в законы, принимались программы поддержки бизнеса. Мы, конечно, ожидали большего.

Судя по обсуждению, проблемы у нас примерно такие, как и в России. Наши страны входят в новое экономическое образование — Евразийский экономический союз. Нам нужно более тесно работать и гармонизировать шаги, которые мы принимаем в наших странах в направлении создания комфортных условий для бизнеса.

Отмечу то, о чем сказал Дмитрий. Да, в Казахстане существует идея о создании некой зоны. Мы хотим сделать Казахстан мировым финансовым центром: это амбициозная задача, но все условия для этого есть.

Казахстан — это страна, которая находится между Европой и Азией, между большими экономиками. Я думаю, с потерей статуса Гонконгом, бывшего и являющегося в настоящее время мировым финансовым центром, привлекательность Казахстана возрастет. В последние годы мы сделали огромный рывок в своем развитии в плане создания стабильной экономики, стабильного общества. Для мировых игроков будет привлекательным некий центр, хаб, здесь мы планируем ввести английское право, — но не из-за того, что мы не доверяем своей собственной юрисдикции. Это делается, чтобы правила игры были для всех одинаковыми.

Расскажу о последних инициативах главы нашего государства Нурсултана Назарбаева. Два-три месяца назад была озвучена программа, мы называем ее «Пять институциональных реформ». Реформы предполагают

проведение комплекса работ в сфере создания автономного профессионального государственного аппарата. Второе направление — это развитие судебной системы, правоохранительной системы, верховенства закона, которое должно быть направленно на защиту интересов малого, среднего бизнеса и инвестиций. Пятое направление — это создание открытого, транспарентного, подотчетного государства. Я считаю, это будет очень эффективным инструментом: будут приниматься соответствующие законы, нормативно-правовые документы, которые будут способствовать развитию бизнеса в Казахстане.

Для нас очень важен и интересен опыт России в этом направлении. Я согласен со своим коллегой господином Кропачевым: я ожидал, что сегодня во время дискуссии будут называться и обсуждаться конкретные вещи...

А. Коновалов:

Давайте не будем их дразнить, а то они начнут говорить за рамками сессии!

Д. Шумков:

Единственный комментарий. Я не услышал: разве у граждан Казахстана недостаточно квалификации? Обязательно надо приглашать судей из Англии? Для меня это нонсенс!

Б. Абдрасилов:

У Вас не совсем правильная информация. Мы говорим о британском праве, то есть мы будем готовить специалистов, у нас есть специальные программы подготовки за рубежом, и мы надеемся, что наши казахстанские судьи также будут...

Д. Шумков:

Будут английские судьи приезжать, правильно?

Б. Абдрасилов:

Нет.

Д. Шумков:

Как — нет?

Б. Абдрасилов:

Мы так не ставим вопрос.

Д. Шумков:

По крайней мере, так проходило у президента.

А. Коновалов:

Хорошо. Большое спасибо, господин Абдрасилов.

Последний выступающий — Алексей Евгеньев, управляющий директор, глава московского офиса Alvarez & Marsal. Пожалуйста, Алексей!

A. Evgenev:

A couple words about the Russian bankruptcy law. We work on global legal and corporate restructuring and crisis management within bankruptcy law, and the Russian bankruptcy law has evolved dramatically over the past 15 years. The changes have been quite dramatic, and whenever our clients complain about the Russian bankruptcy law, we always tell them to go and look at Ukraine. What we have right now in Russia is actually a workable framework, which allows us to resolve most of the issues. However, there are still some outstanding issues. One of them is that if you look at the roughly 30,000 bankruptcy cases a year, only 15 or 20 cases out of 30,000 emerge out of bankruptcy. So typically bankruptcy results in the company being destroyed. We do see a global trend,

essentially it is an Anglo-Saxon trend, of Chapter 11 bankruptcy protection, which has been adopted all over the world, and we believe that the trend is being repeated pretty much across the board, and we see this trend coming to Russia, as well. We have had discussions a number of times with Dimitry Afanasiev, and we believe that the legal framework will be moving towards a consensual restructuring, allowing companies to emerge from bankruptcy and to preserve value for the creditors and shareholders. The major points for the consensual restructuring are almost the same. They are bankruptcy protection, 'cramdown', and super-seniority of fresh money. Again, we see this happening in Europe, and we think Russia will not be much different. At this point, the major issues which we are facing are actually the amount of change in the bankruptcy law, and the speed of change, because it is evolving very fast, and not all the changes have been adopted right away. The level of corruption, unfortunately, and the fact that in Russia the separation of ownership and management, is still not taking place as much as we would like to see. But overall, Russia is very much within the global trends in terms of bankruptcy law, and we are quite optimistic on the further evolution of that. Thank you.

А. Коновалов:

Большое спасибо! Как ни парадоксально, мы сумели уложиться в очень жесткий тайминг, что делает мне честь как модератору, но не как организатору развернутой дискуссии. Мои коллеги могли сказать гораздо больше, вопросы в их адрес могли бы прозвучать в неограниченном количестве.

Я благодарю всех спикеров за очень содержательные, очень емкие выступления. Мы предоставим возможность задать вопросы в течение нескольких минут, если кто-то готов.

Пожалуйста.

М. Чернобровкина:

Большое спасибо! Мария Чернобровкина, Американская торговая палата, Санкт-Петербург.

Я хочу сказать, что за 15 лет после того, как был взят курс на привлечение иностранных инвестиций в Россию, была проделана огромная работа по созданию правового поля. Нужно отдать должное людям, которые создавали это поле. В других странах создание подобного поля занимало десятки лет. Все это делалось достаточно спешно, поэтому есть отдельные моменты, на которые я хочу обратить внимание, особенно Ваше, господин министр.

Я скажу как раз о конкретных вещах, которые являются проблемой и которые можно легко исправить. Очень часто складывается такая ситуация: когда публикуется новый федеральный закон, он предусматривает подзаконные нормативные акты, при этом срок вступления этого закона в силу очень короткий. Профильные министерства не справляются с подготовкой нормативных актов, а компаниям уже приходится исполнять новый закон. Примерами тому могут быть закон «О персональных данных» или закон «Об охране окружающей среды». Они уже вот-вот вступят в силу, надзорные органы уже потирают руки, а подзаконных нормативных актов еще нет.

Я хочу предложить при формировании этих законов предусмотреть вступление закона в силу спустя год или какое-то разумное время после появления подзаконных нормативных актов, если возможно. Это огромная проблема для иностранных инвесторов. Как правило, в итоге закон и подзаконные нормативные акты получаются неплохие, но в процессе неопределенности головным офисам компаний идет очень нехороший мессидж. Спасибо!

А. Коновалов:

Большое спасибо! Я могу напомнить, что уже есть определенный порядок, ужесточающий подготовку подзаконных актов. Есть сроки, в которые эти акты должны быть готовы к первому чтению, ко второму чтению в парламенте и так далее. Другое дело, что, наверное, эти сроки не всегда выдерживаются и исполняются. Здесь сидит господин Любимов, статс-секретарь Министерства юстиции: это его недоработка. Вы можете к нему обратиться после окончания панели и высказать все, что думаете о его работе. Он Вам ответит.

Пожалуйста! Если будет выступление, то 100 слов.

А. Абросимов:

Нет, это не выступление. Уполномоченный по защите прав предпринимателей в Санкт-Петербурге Александр Абросимов.

Я хочу уточнить один вопрос, касающийся преюдиции решений арбитражных судов. Мы много говорим о том, что они должны быть обязательными при рассмотрении в судах общей юрисдикции и для правоохранительных органов. К сожалению, пока это остается благим намерением и пожеланием. У меня есть достаточное количество обращений, где решения арбитражных судов не принимаются во внимание, более того, правоохранительные органы практически отменяют эти решения после возбуждения уголовных дел. Я хочу обсудить этот вопрос. Возможно, уже назрела необходимость создания законодательного акта, предписывающего в обязательном порядке использовать и в судах общей юрисдикции, и для правоохранительных органов преюдицию решений арбитражных судов? Спасибо.

А. Коновалов:

Спасибо! Все-таки это было выступление. Я думаю, что мы можем это учесть в процессе мониторингового правоприменения, сообщить эту информацию Верховному Суду, чтобы там подумали, как ее использовать в практике. Пожалуйста, коллеги, есть ли еще вопросы?

Если позволите, я подведу короткий итог нашей дискуссии. Конечно, она не претендовала на всеобъемлющее рассмотрение темы. Она играла роль своеобразной презентации возможностей сотрудничества юристов и бизнеса и, надеюсь, справилась с этой ролью.

Я призываю вас как участников Экономического форума распространять свою активность и на площадку Петербургского международного юридического форума, с чего я начал сегодня.

Одним из результатов сегодняшней дискуссии и панели может быть фидбэк участников Экономического форума его организаторам, чтобы площадка для диалога юристов и бизнесменов, предпринимателей расширилась год от года, в том числе в формате самого важного и значимого Форума, который проводится на берегах Невы.

Я еще раз благодарю всех, кто выступал сегодня; благодарю всех, кто выслушал эти выступления. Успешной работы на Экономическом форуме! Спасибо.